

ПРОЗА

Роман
ИЛЬЯСОВ

ГЛАВА 4. ДЕЛО О ТРЕХ УБИЙСТВАХ

Окончание.
Предыдущие публикации –
в №№ 471 – 476.

Первым это продолжительное молчание прервал Бурый: «Что глазеешь начальник? Вкупиться желаешь, как травить начать?» «Как вы догадались?» - с улыбкой спросил Михаил. «Так зекать, и Ермолай догнал бы», - ответил Бурый. Михаил посмеялся и сказал: «И то правда... Ну, вы конечно не Ермолай. Ваши имя, фамилия и отчество – Медведев Федор Егорович, так?»

Бурый кивнул на папки, лежащие на столе, и ответил: «Вам виднее, начальник. В ваших ксивах все про меня начиркано». «Да, действительно, я уже познакомился с вашим делом», - ответил Михаил. - А имя ваше я уточню, чтобы быть уверенным, что охрана не привела сюда по ошибке кого-нибудь другого». «Не мечи икру начальник, - последовал ответ Бурого. - Вертухаи здесь меня как облупленного знают. И свое дело туго знают. Хоть все и топоры, но ушные».

Михаил кивнул головой и стал делать записи в протоколе. Бурый заметил, что улыбка с лица Михаила сошла. Действительно, склонившись над протоколом, Михаил напряженно размышлял: «Бурый разговаривает со мной холодно и недоверчиво. Откровенного разговора добиться будет трудно или вообще может не получиться. Конечно, он за всю свою жизнь здорово натерпелся от следователей, поэтому, в отместку, наверняка будет уклоняться от ответов на мои вопросы. Но моя задача найти с ним общий язык».

«Я вас вызвал сюда, Федор Егорович, вот по какому делу - сказал Михаил. - Вы продолжительное время пребывали в одной камере с теми тремя людьми, которых, к несчастью, уже нет в живых. И поэтому считаю, что вы могли бы помочь мне, как никто иной, разобраться в этом деле. Это дело, не терпящее отлагательства. Мне нужно закончить его до завтра». И он спросил Бурого, глядя ему в глаза: «Вы расположены честно побеседовать со мной об этом деле?» Теперь Бурый

РАВВИН ИЗ КОКАНДА

стал молча и пристально смотреть на Михаила, будто они поменялись ролями...

Вдруг Михаила осенило: «Ведь это же так просто – найти общий язык...»

После минуты молчания он решил разрядить обстановку и улыбаясь сказал: «Что глазеешь, Бурый? Вкупиться хочешь?». Бурый удивленно поднял брови и воскликнул: «Что?» «Ты что, не догоняешь, Бурый?» - спросил Михаил. «Ты это где успел наблатькаться, начальник? Базлы дошли до меня, что ты еще совсем зеленый, а по фене ботать уже, смотрю, натаскался». - «Так от вас же только что и натаскался по фене ботать», - рассмеялся Михаил. «Ну, ты чукавый! Ты прямо-таки восхитил меня, начальник, - сказал Бурый, а немного погодя продолжил: - Вообще-то, я тебе прямо скажу, гражданин начальник, что с другим следаком мне было бы запахло романы тискать. А раз ты такой нашивкованный, и тебе не запахло ходить по музыке, да к тому же слухок о тебе по всем хатам ползает, что ты, вроде как, клевый, то давай перетеремся».

«Благодарю за доверие», - ответил Михаил и предложил Бурому рассказать все, что он знает о происшествии. Бурый коротко рассказал Михаилу то, что Михаил уже слышал от Якова. Когда Бурый закончил, он сказал Михаилу: «Пока я вам тут шлюзы открывал, я кнокал за вами – и мне показалось, что я заря все это делаю. Вы же уже исповедовали кого-то до меня, и уже все знаете, так?» «Так, - подтвердил Михаил. - Но для дела мне нужно было проверить, что рассказы совпадают». «Ну, и как?» - спросил Бурый. «Все абсолютно совпало, - улыбаясь, сказал Михаил и незамедлительно продолжил: - Какую характе-

ристику вы могли бы дать на каждого из троих пострадавших? Начните, пожалуйста, с Саморуба».

«Ништяк, - согласился Бурый. - Пахан – это был битый парень. Такого другого авторитета я в жизни не встречал. Все, что он делал, было по правильным понятиям и чин-чинарем. Всегда по делу накопки давал. Познакомился с ним здесь, но во всех лагерях, зонах и казенных домах, где мне приходилось сидеть, слышал от братков о его авторитете. С его уходом весь наш мир бластной понес огромную утрату».

«Я вас понимаю, - с искренним сочувствием произнес Михаил. - А что вы скажите о Шамалове?» «А кто это такой? - спросил Бурый. - А, ты что, гнилом жидяре! Я жалую, что не выкупили этого воркуна в сушилке. Он и на воле был стучак. Этот стучило тысяч своих же земель загубил. С одним из них, батей здешнего малопетки, я тнял срок в дальняке». «С отцом Баруха Аминова?» - спросил Михаил. «В цвет, - подтвердил Бурый. - Цинканули недавно, что он уже в одной из колоний ГУЛАГА надел деревянный бушлат. Гниде Шамалову здесь, разумеется, за все его дела очко порвали. А он, паскуда, на нашем пахане отыгрался».

«Расскажите теперь об Исмаилове, - попросил Михаил Бурого, когда тот закончил с Шамаловым. Этот урок – еще тот навозный жук, - начал Бурый. - Он оттопырил махнатку дочери своей шмары». «Изнасиловал дочку своей любовницы?» - перебил Михаил, едва успевая протоколировать слова Бурого и тут же записывая в скобках их значение. «В цвет, - подтвердил Бурый. - Отшкворил малопетку своей чуврыки. За то, по правильным понятиям и тюремным законам, этот парш-

ник переведен пацанами в касту неприкасаемых. Это был его фарт, что он вздернулся. Знал падло, что за пахана будет кинут на бригаду и издохнет на карачках».

«Кто же установил здесь эти такие суровые тюремные законы и понятия?» - спросил Михаил. «Эти законы не нами установлены, гражданин начальник. Кажись, они заключались еще в древних бергах, в царских казенных домах. Сама жихтаровка их и породила. А то, что они до сей поры не отемнились, означает, что сила в них есть, что держит обоюдную масть: пастухов и тех, кто в законе. Если ты череп, то должен понимать: когда есть закон - есть порядок. Нет закона - будет беспредел. А кипиш здесь никому не нужен. Догнал?» «Догнать-то догнал, - сказал Михаил. - Да вот только скажи мне Бурый, ни этот ли древний закон убил вашего друга Саморуба?» - «Это только случай. А с беспределом их было бы навалом». - «Железная лопика, Огромное вам спасибо, Федор, за эту беседу. Вы помогли мне разобраться во многом». - «Помочь хорошему человеку – всегда одно удовольствие, - сказал Бурый. - И еще хочу сказать тебе напоследок, что я тебя насквозь вижу. А потому дам тебе такую наколку: всегда канай по бритве. Ты попал в волчью стаю. А с волками жить – по-волчьему выть, хотя бы для виду. А не то загрызут тебя насмерть в этой драконьей стае. А пацанам своим заясно помочь тебе в этом деле». Михаил молча кивнул головой и вызвал конвой».

После беседы с Бурым, Михаил, как и планировал, провел допрос с Мироновым по прозвищу Мясник, который, как и полагал Михаил, честно отвечал и помог разобраться во многих вопросах. После Миронова Михаил тут же дал

указание охране привести еще одного заключенного – свидетеля Мамутова Сейдамета, по прозвищу Татарин. Мамутова привели не двое, как обычно, а трое охранников. Пока два охранника стерегли Мамутова за дверью, один из них, тот, что с багровым лицом, первым зашел в комнату допросов и сказал Михаилу: «С этим заключенным, Мамутовым, я не советую оставаться без охраны. А его руки и ноги при допросе нужно держать в браслетах». «Это почему?» - спросил Михаил. - «Еще не было ни одного допроса с ним, который бы кончился мирно. Это зверь, а не человек». - «Заведите его, - сказал Михаил. - Я сперва хочу посмотреть на этого зверя».

Охранник подошел к двери и дал команду охранникам: «Заводите!». Двое здоровенных охранников, держа Мамутова за локти с обеих сторон, провели его внутрь. Охранник с багровым лицом приказал им стоять, когда они подвели его к табурету. Михаил внимательно всмотрелся в глаза Мамутова. Ему показалось, что он уже где-то видел этот смелый, непокорный и злой взгляд. Мамутов был худощав, крепкого телосложения, на скуластом лице выделялся крючковатый орлиный нос с хищным вырезом ноздрей. Крылатые густые брови сходились очень низко на переносице. Его выражение и черты лица, его непокорный, воинственный дух придавали ему вид древнего полудикого воина времен Чингисхана.

Михаил снова присмотрелся к его кого-то наминающему грозному взгляду и напряг свою память. Наконец вспомнил. Однажды в студенческие годы в Ташкентском зоопарке он наблюдал за волком. Тот волк, не мигая, смотрел прямо в глаза Михаилу. Взгляд у него был умный, как у человека, и, вместе с тем, свирепый, какой может быть только у дикого зверя. Они долго смотрели друг на друга. Михаил словно находился под гипнозом и не мог оторваться ни на секунду от этого взгляда. Ему казалось, что волк думает по человечески, и может читать его мысли. Волк своим взглядом словно говорил: «Вот ты, человек, запер меня в клетку и думаешь, что победил меня. Но встретиться б нам с тобой один на один в лесу – я бы показал, кто из нас победитель в честном бою». По коже Михаила пробежали мурашки. Он не смог тогда выиграть это противостояние взглядов. На секунду опустил свой взгляд, а когда поднял глаза, увидел, как гордо волк направляется в дальний конец клетки...

«Снимите с него наручники»

и оставьте нас — неожиданно сказал Михаил, не отрывая своего взгляда от Татарина. Почувствовал на себе взгляды онемевших охранников. «Вы слышите меня?» - повышенным тоном спросил их. «Выполняйте», - дрогнувшим голосом приказал охранник с багровым лицом. Он протянул ключи от наручников охранникам, а сам незаметно попятился назад, крепче ухватившись за свою дубинку. Двое охранников безропотно начали открывать замки наручников. Татарин презрительно глянул на стоящего в стороне третьего охранника и с насмешкой сказал ему: «Не ссы, дубак, не трону. Сегодня не твой день. Но в другой раз обязательно сделаю, что обещал тебе. А не то фазанщиком буду».

Освободив Татарина от наручников, двое охранников тут же отпрянули от него на безопасное расстояние. Михаил, глянув на охранников, кивнул на дверь, и они все трое поторопились удалиться. Когда дверь за охранниками захлопнулась, у Татарина тут же исчез хищный, волчий взгляд.

«Садитесь на табурет, Сейдамет Аметович, - учтиво предложил Михаил. Татарин улыбнулся, потирая на кистях рук красные пятна, оставленные наручниками, и сказал, усаживаясь: «Со всем отвык слышать свое имя и отчество. Спасибо, что напомнили. И за кандалы спасибо, начальник. Без них тоже непривычно на допросе сидеть. Мне почта уже передала, по какому делу вы меня дернули, и братки передали, чтобы я на исповеди не лепил горбатого. Так что не надо женироваться, гражданин начальник. Спра-

шиваете напрямик, без прелюдий, что надо. В несознанку играть не буду».

Михаил понял, что, несмотря на то, что все свидетели были помещены в разные камеры, Бурый уже каким-то образом успел всем сообщить, и кто ведет это дело, и как надо вести себя на допросе. «Я здесь следователь новый, поэтому не пойму, о какой почте вы говорите, Сейдамет Аметович». Татарин улыбнулся и ответил: «Мне братки вдогонку дунули отвечать только по делу. А этот вопрос кажись не по делу». «Извините, Сейдамет Аметович, вы правы», - тут же согласился Михаил.

После допроса Татарина дело пошло намного быстрее, чем ожидал Михаил. Михаил произвел еще несколько допросов. К вечеру на его рабочем столе находилась уже высокая стопка полных папок с протоколами допросов по этому делу. Можно было приступить к отчету.

Поздно вечером в следственный отдел зашел Полачев. Михаил заметил, что его лицо было мертвецки бледным и весь вид растерянным. Полачев подошел к столу Михаила и заговорил, заикаясь и недоуменно глядя на него: «Мне передали, что вы один провели сегодня уйму допросов. Да еще, вдобавок, вам как-то удалось допросить Татарина мирно, без наручников. Как вы все это умудрились сделать один?» «Так вы же сами, товарищ Полачев, мне и помогли, подсказав, что я должен обязательно допросить Татарина, - ответил Михаил. - Да еще установили такие сроки, что по-другому выполнить задание было невозможно». - «Так мы завтра

- * ИЗГОТОВЛЕНИЕ
- * Профессиональная бар- бат-мицв и лю
- * СЪЕМКА И ИЗГОТ
- * Реставрация и уве

917-306-04

утром уже сможем отчитаться по этому делу?» - «Да, конечно. У меня уже почти все готово. К утру все документы будут на вашем столе».

Полачев беззвучно стоял перед Михаилом с жалким видом человека, который не может поверить услышанному, и, глядя на него, глупо хлопал глазами. Ему стало ясно, что план морального уничтожения Михаила рухнул. На его щеке нервозно задергались мышцы. «Так вы позволите продолжать мне работу или хотите еще что сказать?» - прервал молчание Михаил. Полачев развернулся и, ничего не ответив, вышел из отдела...

Наутро заверщенное дело о трех убийствах лежало на столе начальника следственного отдела.